

СТРУКТУРА И СЕМАНТИКА РАННЕЙ ЛИРИКИ ДИМАНА БЕЛЕКОВА

М.С. Дедина

Ключевые слова: алтайская литература, Диман Белеков, ранняя лирика, семантика, топос, образ, мотив.

Keywords: Altai literature, Diman Belevkov, early lyrics, author's song, image, genre.

DOI 10.14258/filichel(2021)4-15

Изучение лирического произведения в аспекте выявления значимости образной системы является предметом лингвопоэтики, поскольку «на уровне семантики неограниченность эстетического потенциала языковых единиц проявляется в семантической сложности поэтического слова» [Соколова, 2020, с. 19]. Это его свойство предопределяет перспективность изучения поэзии на уровне расшифровки образа, созданного «средствами семантического преобразования слова», и его актуализации в структуре и системе авторского мироотражения и миромоделирования. В то же время созданная автором картина мира со всеми проявлениями субъективных и объективных начал является определенной системой, о которой как о житнетворческой семантической системе еще в 1975 г. писал Ю. Лотман. Опираясь на это исследование, Е.А. Худенко приходит к выводу о том, что «структура феномена житнетворчества базируется на соотношении двух текстов — текста жизни и текста искусства», а своеобразие авторской стратегии заключается в осмыслении и отражении их взаимодействия и взаимоотношений. «При этом житнетворчество, будучи двутекстовым образованием, не является замкнутой автономной системой, а содержит «хаотические» (внетекстовые) элементы — это миметические реально-бытовые детали, мнемонические «следы», особенности индивидуально-творческого, мифологического и общекультурного развития художника, образующие контекст текста поведения — некую информационную систему и структуру, нацеленную на то, чтобы тоже быть интерпретированной» [Худенко, 2016, с. 64].

Целью исследования стало изучение структуры и семантики ранней лирики Д. Белекова с точки зрения авторского художественного миромоделирования, что, на наш взгляд, позволит выявить типичное и индивидуальное в мировоззренческих поисках поэта.

Диман Белеков (Белеков Иван Итулович) — алтайский писатель, журналист, общественный деятель. Он родился 20 марта 1953 г. в с. Сальдьяр Онгудайского района. После окончания Областной национальной средней школы в 1969 г. работал литературным сотрудником в газете «Алтайдын Чолмоны». В 1970–1975 гг. учился в Московском литературном институте им. М. Горького, после окончания вернулся в редакцию «Алтайдын Чолмоны». В 1979 г. стал литературным консультантом в писательской организации Горного Алтая. В 1980 г. был избран инструктором отдела пропаганды и агитации областного комитета КПСС. В 1988 г. поступил в очную аспирантуру Академии общественных наук при ЦК КПСС, а в 1991 г. защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук по теме «Формирование системы подготовки и переподготовки журналистских кадров в условиях демократизации общественной жизни». В 1990–1992 гг. работал главным редактором газеты «Алтайдын Чолмоны», с 1992–1997 гг. — заместителем председателя правительства Республики Алтай. В конце 1997 г. он был избран депутатом Государственного Собрания Эл-Курултай Республики Алтай, а с начала 1998 по 2002 г. был заместителем председателя Государственного Собрания. В феврале 2002 г. И.И. Белеков был назначен министром культуры и кино Республики Алтай. С 2006 по 2016 г. трижды избирался депутатом и председателем Государственного Собрания — Эл Курултай Республики Алтай четвертого, пятого и шестого созывов. Был секретарем республиканского отделения политической партии «Единая Россия» с 2006 по 2016 г. 18 сентября 2016 г. избран депутатом Государственной Думы VII созыва. Иван Итулович был председателем Алтайского регионального отделения Комиссии Российской Федерации по делам ЮНЕСКО, депутатом Государственной Думы VII созыва, членом Комитета по делам Содружества Независимых государств, евразийской интеграции и связям с соотечественниками.

Наряду с активной общественно-политической деятельностью Иван Итулович является талантливым алтайским писателем, автором более десяти сборников художественных произведений. О поэте-политике Д. Белекове В. Чукуев писал: «Какую бы должность ни занимал, а занимал и занимает он высокие посты, он всегда остается поэтом. А это сопереживатель всех людских проблем, да и не только людских. Быть в душе поэтом и оставаться равнодушным к окружающему миру невозможно» (В. Чукуев. Нести энергию добра. Звезда Алтая. 2003. 22 марта). А. Адаров в рецензии к третьему сборнику поэта «Күрее кожон» («Песни в кругу») отмечает, что политическая деятельность положи-

тельно сказывается на его творчестве: «Йыман Итулович Белеков поэт ле партийный ишчи. Партийный иш — ол јенгил эмес ле каруулу иш. Онын учун поэтинг кўнўн сайын эткен ижи, јўрген јўрўми онын поэзиязына јаан толку, јангы ажу кўргўзип јат» / Иван Итулович Белеков поэт и партийный работник. Партийная работа — это сложное и ответственное дело. Поэтому ежедневный труд, каждый прожитый день для его поэзии дает сильный импульс и открывает новые горизонты») (А.О. Адаров. Алтайдын Чолмоны. 8 ноября 1985 г.). В своем интервью в 2003 г. Д. Белеков на вопрос о том, кто же он больше, поэт или общественный и государственный деятель, отвечал: «Бўлинер аргам јок, кандый ла ижимнинг тўс учуры јангыс — тўрўлиме, калыгыма, чыккан јериме јарагадый јакшы, тузалу иш бўдўрери. Кижининг учун јўрген деп ўргўлјик суракка андый кару берер эдим» / «Не могу разделять, чем бы я ни занимался, главная моя задача — быть полезным родине, народу, родной земле. Вот так бы я ответил на вечный философский вопрос о смысле человеческого существования») (Диман Белеков. Алтайдын Чолмоны. 20 марта 2003 г.).

Первая книга стихов поэта — «Кўктаманду јаландар» («Солнечное поле»³⁴) вышла в свет в 1974 г. Затем в 1977 г. поэт опубликовал сборник стихов «Эркин эзин» («Ветры молодости»), а в 1982 г. — «Јангарлу мўштўр» («Поющие кедры»). Эти издания можно отнести к раннему периоду творчества, ко времени становления его индивидуального подчерка. В 1983 г. Д. Белеков стал членом Союза писателей СССР (Российской Федерации). На сегодняшний день творческий арсенал поэта, кроме стихотворных произведений, включает публицистику и драматургию. На его художественное мастерство значительное влияние оказал и опыт переводчика, поскольку в его переложении на алтайском языке зазвучали стихи М. Лермонтова, С. Есенина, поэтов Монголии, Японии, Турции, Азербайджана, Латвии и некоторых других стран. В настоящее время, являясь видным политическим деятелем, он продолжает активную литературно-творческую работу: в феврале 2021 г. состоялась презентация очередной книги писателя — «Предстояние перед Кўк Тенгри. Чорос Гуркин, как основа духовного измерения Алтая» (2020), представляющая собой сборник философских эссе и публицистических зарисовок на самые разные темы, касающиеся вопросов истории, культуры, философии.

В полной мере лирика Д. Белекова, так же, как особенности его творческой лаборатории, до настоящего времени в алтайском литературове-

³⁴ Это название дано в переводе, присутствующем на последней странице книги в части, где напечатаны выходные данные и другие сведения об издании.

дении не осмыслены. О его стихах писали В. Чичинов (1986), Н. Киндикова (1989), С. Каташ (1997). С отзывами о лирике поэта в большей части в периодической печати выступили писатели Б. Бедюров, Л. Кокышев, Т. Шинжин, которые стали первыми критиками молодого автора. П. Самык написал рецензии к нескольким сборникам поэта [Белеков 1982, 19856]. В 1980-е гг. со статьями в газете «Алтайдын Чолмоны» о стихах поэта высказались А. Ередеев, К. Тепуков, Б. Укачин, А. Адаров и др. В этот же период в «Литературной России» появился ряд обзорных статей о творчестве молодых алтайских поэтов, в которых упоминалось и о лирике Д. Белекова (Б.У. Укачин, 1983; А. Парпара, 1985; В. Ерохин, 1986).

Известно, что «исследование семантической организации художественного текста (в совокупности его эксплицитных и имплицитных свойств) обязательно включает следующие текстовые универсалии: «человек», «время», «пространство» [Торосян, 2005, с. 7]. В центре художественного мира раннего Д. Белекова — молодой человек, близкий автору, который находится в органичной, неразрывной связи с природным миром. Лирический герой Д. Белекова воплощает в себе образ молодого поколения, представителем которого является и сам автор. Не случайно первый его сборник открывает стихотворение «Бу јаста...» («Этой весной...», 1971), ставшее программным для его ранней лирики и ключевым для всего творчества. В центре художественной рецепции данного произведения лирический герой, воплотивший в себе обобщенный образ молодого поколения. Хронотоп весны в данном контексте со всем характерным семантическим рядом (зелень, голос кукушки, набухшие почки деревьев...) поддерживает идею новизны, свежести, молодости.

Мотив наступления весны характерен для алтайской литературы первой половины и середины XX в. Если для алтайских писателей первого десятилетия советской власти образ весны был связан с наступлением новой жизни, то уже в ином семантическом контексте он проявился в 1950–1960-е гг. Если принять во внимание то, что, по мнению Д.С. Лихачева, «сад — это прежде всего своеобразная форма синтеза различных искусств, синтеза, теснейшим образом связанного с существующими великими стилями и развивающегося параллельно с развитием философии, литературы (особенно поэзии), эстетическими формами быта, с живописью, архитектурой и музыкой» [Лихачев, 1987, с. 476], то возникновение образа весеннего сада в алтайской лирике следует связывать со стремлением поэтов освоить иной культурный код, не свойственный для традиционного мировоззрения. Образ цветущей яблони для алтайских писателей 1950–1960-х гг. стал символом другой

жизни, воплощенной в хронотопе сада как окультуренной природы. Не случайно на обложке первого сборника стихов Э. Палкина с очень символическим названием «Яңгы киж» («Новый человек», 1956) была изображена цветущая яблоня, а стихотворение «Яблоня» И. Кочеева стало гимном молодежи 1950-х гг. В стихотворении Д. Белекова «Бу јаста...» («Этой весной...», 1971 г.) цветущая яблоня, наряду с молодыми тополями, весенними первоцветами и рядом других образов, актуализирует традиционное значение весны как времени возрождения. Лирический герой — органичная часть этого мира, и его песня сливается с мелодией торжества весеннего обновления. В. Чичинов писал, что «природа в его стихах традиционно одухотворена, она звучит в унисон с поющей человеческой душой, она стремится слиться с вершинами человеческого духа» (В.И. Чичинов, 1986, с. 3).

Күүм менин бу јаста
Күүктин эрке ўнинде,
Јўрегинди јымырадар
Көбөркий кыстын эрдинде.

Көксимнин арузы
Көктамандый чечекте,
Шоордын ўнин чыгарып,
Шоркыраган суучакта.

Мелодия моя этой весной
В нежном голосе кукушки,
Она, сердце охватывающая
дрожью,

На губах милой девушки.
Чистота моей души
В цветке, подобном сон-траве,
В издающем голос шоора,
Журчащем ручейке
(Диман Белеков, 1974, с. 3;
пер. наш. — М.Д.).

Набухшие почки деревьев, которые налились первым весенним живительным соком, сравниваются с формирующимися идеями, мечтами и надеждами. У автора это выражено через лексему «токуналу санаалар» (спокойные мысли), понимаемую как уверенность и душевное равновесие.

Токуналу санаалар
Торјой јўрген бүрлерде,
Сургулјынды сурт эдип,
Суркураган јолдордо.

Спокойные мысли
В набухающих почках ветвей,
В блестящих дорогах,
Сияющих в стремительном
движении
(Диман Белеков, 1974, с. 3;
пер. наш. — М.Д.).

Значим образ множества дорог, поскольку в метафорическом плане они представляют собой возможность выбора, поливариантность судьбы.

Для алтайских поэтов второй половины XX в. мотив пути, актуализированный в качестве выхода из «своей» территории, репрезентован как освоение «другого пространства», что подразумевает интеллектуальное развитие, получение новых знаний и умений, общение, достижения более высокого статуса в обществе (образ белого хлеба в повести Ч. Чунижекова «Мундузак») и т.д. Лирический герой Д. Белекова, разрывая границы «своей» земли, отправляется на постижение нового, неизведанного, что в ранней лирике поэта всегда транслируется как положительное начало.

*Я сын чабана — и в этом суть,
Я вырос в предгорьях Алтая.
Но в город привел меня путь,
Средь гор и отрогов плутая...*

(Когда цветет маральник, 1985, с. 28; пер. Р. Бухараева).

«Другое пространство», таким образом, в ранней лирике Д. Белекова представлено через несколько ключевых образов, центральным из которых является обобщенный образ города. Он аккумулирует в себе и окультуренную территорию (цивилизацию), связанную с достижениями научно-технического прогресса, со знаниями и культурой. Р. Бухараев в переводном варианте стихотворения «Сын чабана» воспроизвел образ города как пространство с «яркими рекламными огнями», что, безусловно, не совсем верно передает его содержание, обозначенное у поэта.

Хронотоп «другого пространства» у поэта репрезентован и через другие, более обобщенные образы. В стихотворении «Чанкыр туулардын жийиттери» («Молодые люди голубых гор»), к примеру, он представлен как голубые дали:

Жиит тушта амаду
Јүрегисти түймедет.
Көк ынарлу талалар
Көстөристи чагылтат.

*Цели, поставленные в юности,
Не дают покоя сердцу.
Подернутые голубой дымкой дали,
Зажигают наши глаза*
(Диман Белеков, 1977, с. 45;
пер. наш. — М.Д.).

Центральным образом в художественном пространстве лирики Д. Белекова становится движение от «своего» топоса к «другому», что понимается как развитие, а доминантным образом-символом выступает дорога. Молодой человек не только отправляется осваивать новое пространство, но, что важно для поэта, в многонациональном обществе он является представителем своего народа, носителем его культурных традиций. От лица молодого поколения лирический герой поэта восклицает:

Албатынынг адынан
Айдатан сѳс бисте бар.
Јолдордо кем чѳкѳнгѳн?
Јолды биске јайлагар.

*От имени народа,
У нас есть слово, которое хотим
сказать.
Кто разочаровался в дорогах?
Освободите нам путь*
(Диман Белеков, 1977, с. 45;
пер. наш. — М.Д.).

В содержательном плане у Д. Белекова мало стихотворений, посвященных описанию ухода лирического героя из «своей территории». В большей степени художественное пространство организовано таким образом, что молодой человек уже находится вдали от родины, поэтому основным у поэта становится мотив возвращения. Движение осуществляется от периферии к центру, из города на чабанскую стоянку, из окультуренного пространства в тайгу. В качестве центра притяжения, выступает многозначный образ-символ — «родная земля». К примеру, в стихотворении «Бийикке де јетсем...» («В высь ли взлечу...») поэт размышляет:

Бийикке де јетсем,
Јабыска да тѳшсем,
Алдымда мѳнгѳлѳр
агарып ла тургулаар.
Ыракка да барзам,
Јуукта да болзом,
Сургулјындый јолым —
тѳрѳл јерим јаар

*В высь ли взлечу,
Опущусь ли ко дну,
Предо мной вечные вершины
будут белеть.
Далеко ли уйду,
Вблизи ли буду,
Словно отблеск моя дорога —
к родной земле*
(Диман Белеков, 1974, с. 10;
пер. наш. — М.Д.).

Эпиграфом к этому стихотворению Д. Белеков не случайно взял известное выражение Экзюпери: «Моя родина — это мое детство». Стихотворение, согласно кольцевой композиции, характерной для Д. Белекова, завершается начальными строфами, однако последние строки звучат по-иному:

Ыраакка да барзам,
Јуукта до болзом,
Сургулјындый јолым —
бала тужым јаар.

*Далеко ли уйду,
Вблизи ли буду,
Словно отблеск моя дорога —
к моему детству*
(Диман Белеков, 1974, с. 12;
пер. наш. — М.Д.).

Таким образом, для лирики Д. Белекова «родная земля», являясь доминантным ключевым хронотопом, в первую очередь связана с местом

рождения, с территорией детства. Она у поэта имеет реальные географические очертания, обозначенные в образе Дьайлугуш³⁵ место рождения поэта. Это пространство связано у него с детством и родителями, именно здесь, как много позже напишет он в своих лирико-философских размышлениях, были заложены основные духовно-нравственные основы его мировоззрения: «Отец учил нас, как уважительно испрашивать благоденствия у Духов священных гор. С молоком матери и заветам отца мы впитали почтение к символам обрядовых молений и освященным родовым и сакральным местам. Отец рассказывал нам о тотемных животных, птицах и растениях. Мы знали сызмальства, что в священных горах нельзя шуметь, срывать растения. Надо вести себя уважительно, почтительно, достойно» (Диман Белеков, 2018, с. 20–21). В стихотворении «Жизнь-течение» лирический герой констатирует:

*От улыбок ли матери,
От взглядов отца ли,
От росы ли рассветной,
от любви соловья
Эти чистые воды,
струясь пробежали
И сплелись вместе в реку,
Чье название «я»*

(Диман Белеков, 1985а, с. 4; пер. Р. Бухараева).

Мотив возвращения присутствует в большинстве стихотворений поэта. Стоит лишь вспомнить, для примера, «Энемге» («Маме»):

<i>Јорго адымнынґ тискинин тартып, Јайлугуш сыныла чабарым. Коо агаитар ұстиле учуртып, Койчы энемге мен барарым <...> А ӧткӧн јольым энемнинґ јӱзинде Чырыш болуп артып калган. Јаш туштагы эрке јастарым Энемнинґ кӧзинде јажынган.</i>	<i>Придержав удила своего ретивого коня, Пронесусь над хребтами Дьайлугуш. Промчавшись над стройными деревьями, Приеду к чабанке маме <...> А пройденный мой путь Морщинами остался на лице у матери. Мои милые весны детства Спрятались на лице матери (Диман Белеков, 1974, с. 9; пер. наш. — М.Д.).</i>

³⁵ Лог в Онгудайском районе Республики Алтай на правом берегу р. Катунь. Маленькое селение ныне Салдыяр, где родился будущий поэт, в связи с укрупнением колхозов было ликвидировано в 1971 г.

Другим воплощением образа родной земли становится весь Алтай, многозначный и полифункциональный образ-символ, о котором зрелый Д. Белеков пишет: «Алтай священный, Алтай благодатный, Алтай первозданный: так определяют его алтайцы для себя. Глубоко прав, изрекший эти слова: это не просто земля, где живет народ испокон веков, а пространство, обустроенное в контексте его сакральности» (Диман Белеков, 2013, с. 26). Для ранней лирики поэта он становится источником притяжения, вдохновения и силы.

Je мени эркидет
Коркушту бир салкын.
Jеримдöбн кайдан ла
Айдайт бир салкын.
Алтайды сүүгеним —
Коркушту салкын ол.
Бу Jайлугуш ла
Кайран Каракол!

*Но меня одолевает
Неустовый один ветер,
Отовсюду на родину
Гонит один ветер.
Любовь к Алтаю —
Тот ветер неустовый.
Это Дьайлугуш и
Милый Каракол!*
(Диман Белеков, 1974, 4–5;
пер. наш. — М.Д.).

Эта тема продолжена в стихотворении «Эркин эзин» («Милый ветер», 1977):

Улу чöлдöрдиг телкемиле
Öддöдим тўжиле, тўниле.
Эркин эзинге соктырып,
Ач-амырым тоскурып.
Jолдордо астыгып, алангып
турзам,
Jолдыкка бир сöсти
Таппай кыйналзам,
Эркин эзин меге келет.
Куулгазын ийдезин меге
шымырайт
Ойто ло мен чöлдöрдиг
телекмиле,
Öддöдим тўжиле, тўниле.
Айды чалмадан та аладым,
Аргымак атка минеле...
(Диман Белеков, 1977, с. 3–4.)

*По горам и дорогам степным,
День и ночь в долгом
странствии этом,
Я иду, сильным ветром гоним,
Я иду, подгоняемый ветром...
Мог бы влагу из камня добыть,
сжав его молодыми руками,
Мог бы в небе луну изловить,
На скаку привести на аркане.
Но среди бесконечного дня
Я бессилен пред ветром могучим,
Что без роздыха гонит меня
В край родной по долинам
и кручам.*
(Когда цветет маральник, 1985,
с. 39; пер Р. Бухараева).

В данном случае образ ветра воплощает силу, которую ему дает родная земля. Хронотоп «просторы великой степи» («улу чӧлдин телкемиле»), присутствующий в оригинальном варианте, актуализирует не «свое» (горы), а «другое» пространство, которое «покоряет» лирический герой. Здесь и физическое нахождение вдали от Алтая (1970–1975 гг. время обучения Д. Белекова в Москве в Литературном институте им. М. Горького), и освоение нового вида деятельности — литературного творчества, и мучительные поиски ответов на многие вопросы, которые ставит перед ним жизнь. В любом случае, кровнородственная связь со своей родной дает лирическому герою поэта силу и вдохновение.

Таким образом, бесконечное движение становится залогом существования для лирического героя Д. Белекова, актуализируя метафору жизни как океана, волны которого бесконечно бьются о берег:

Алтайга ыраактан	Издалека на Алтай
келедим мен,	возвращаюсь я,
барадым мен.	уезжаю я.
Толкулу јӱрӱмде	В беспокойной (буквально — с волнами)
токтобос турум	жизни
токунабас турум.	не остановлюсь,
	не успокоюсь
	(Диман Белеков, 1974, с. 10;
	пер. наш. — М.Д.).

Этапным в творчестве поэта следует считать сборник «*Јаңарлу мӧштӧр*» («Поющие кедры», 1982), ознаменовавший творческую зрелость автора. Наряду с уже знакомыми читателю стихотворениями, в которых присутствовали типичные для лирики поэта образы весны, подснежника и подобные, в данное издание вошли новые, более совершенные в плане художественной глубины, сложности и многоплановости произведения. Это свидетельствовало как о творческом совершенствовании и достижении поэтом определенного уровня художественного мастерства, так и о взрослении лирического героя, о трансформации его суждений и взглядов. Впервые поэт пробует себя в жанре поэмы в новаторской для алтайской литературы форме — «Најылык чечектер» (поэма-репортаж).

Таким образом, ранний этап творчества Д. Белекова, продолжая традиции алтайской лирики, отличается лиричностью восприятия, смелостью высказываний и тонким романтическим пафосом. Доминантным образом-символом для него становится весна, с актуализацией традиционной семантики возрождения, обновления, пробуждения, что у по-

эта ассоциируется, прежде всего с молодостью, свежестью, с поливариантностью выбора для молодого человека, ровесника поэта. Для автора важен процесс развития личности, ее совершенствования, который репрезентирован у поэта как освоение новых знаний, расширение мировоззрения, для чего необходим выход за пределы «своей» территории. Однако для лирики поэта основным становится мотив возвращения, актуализированный как смысл сохранения своей ментальности. Образ «родной земли», репрезентированный в малом своем значении как «своя» территория, обозначенная кровнородственной связью с родными, и в более широком плане — с традициями своего народа, понимаемыми поэтом как базовая основа всего сущего, становится семантическим центром всей его ранней лирики.

Библиографический список

Киндикова Н.М. Эволюция образной системы в алтайской лирике. Горно-Алтайск, 1989.

Лихачев Д.С. Избранные работы. Л., 1987. Т.3.

Соколова М.Г. Типы семантических преобразований дендронимов в поэтических текстах А.В. Ширияева // Филология и человек. 2020. № 2.

Торосян М.С. Феномен контраста в аспекте концептуальной организации художественного текста (на материале языка послевоенной прозы) : дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2005.

Худенко Е.А. Жизнетворчество писателя как текст: особенности структуры // Филология и человек. 2016. № 2. С. 166–176.

Источники

Адаров А.О. Јүрегимнин үнин тында // Алтайдын Чолмоны. 1985. 8 нояб.

Бедюров Б. Кожонду јүрек // Алтайдын Чолмоны. 1976. 23 янв.

Белеков Д. «Јарымдай иштеерге јарабас» // Алтайдын Чолмоны. 2003. 20 марта.

Белеков И.И. Горные вершины. М., 1985а.

Белеков И.И. Јаңарлу мөштөр = Поющие кедры. Горно-Алтайск, 1982.

Белеков И.И. Көктаманду јаланғар = Солнечное поле. Горно-Алтайск, 1974.

Белеков И.И. Күрее кожонг = Песни в кругу. Горно-Алтайск, 1985б.

Белеков И.И. Предстояние перед Көк Тенгри. Чорос Гуркин, как основа духовного измерения Алтая. Горно-Алтайск, 2020.

Белеков И.И. Эркин эзин = Ветры молодости. Горно-Алтайск, 1977.

- Ерохин В. Молодость Горного Алтая // Литературная Россия. 1986. 3 янв.
Каташ С.С. Человек, болеющий болями других // Звезда Алтая. 1997.
10 дек.
Когда цветет маральник. Горно-Алтайск, 1985. С.16–39.
Кокышев Л. Жиит үндер // Кадын. 1973. № 2.
Прапара А. Представляем молодых // Литературная Россия. 1985.
13 сент.
Чичинов В.И. Любить людей — высокое искусство // Звезда Алтая.
1986. 29 марта.
Чукуев В. Нести энергию добра // Звезда Алтая. 2003. 22 марта.
Шинжин Т.Б. Ак сүмерлер алдында // Алтайдын Чолмоны. 1974.
2 июля.
Укачин Б.У. Представляем молодых // Литературная Россия. 1983.
1 июля.

References

- Khudenko E.A. *Zhiznetvorchestvo pisatelya kak tekst: osobennosti struktury* [The writer's Life Creation as a text: structural features]. In: *Filologiya i chelovek*. [Philology & Human]. 2016. No. 2.
- Kindikova N.M. *Evolyutsiya obraznoj sistemy v altajskoj lirike*. [The evolution of the figurative system in the Altai lyrics]. Gorno-Altaysk, 1989.
- Lihachev D.S. *Izbrannye raboty*. [Delectus opera scientificus]. Leningrad. 1987. T.3.
- Sokolova M.G. *Tipy semanticheskikh preobrazovaniy dendronimov v poeticheskikh tekstakh A. V. Shiryayeva*. In: *Filologiya i chelovek*. [Philology & Human]. 2020. No. 2.
- Torosyan M. S. *Fenomen kontrasta v aspekte konceptualnoi organizatsii hudozhestvennogo teksta: na materiale yazika poslevoennoi proz.i* [The phenomenon of contrast in the aspect of the conceptual organization of a literary text (based on the material of the language of post-war prose)]. Abstract of Philol. Cand. Diss. Stavropol, 2005.

List of sources

- Belekov I. I. *Erkin ezin*. [Winds of youth]. Gorno-Altaysk, 1977.
- Belekov I. I. *Gornye vershiny: stikh.i* [Mountain peaks]. Moscow, 1985a.
- Belekov I. I. *Koktamandu jalaŋda.r* [Solar field]. Gorno-Altaysk, 1974.
- Belekov I. I. *Kyree kozhon*. [Songs in a circle]. Gorno-Altaysk, 1985b.
- Belekov I. I. *Predstoyanie pered Kök Tengri. Choros Gurkin, kak osnova dukhovnogo izmereniya Altaya*. [The stalk is in front of KÖK Tengri. Choros Gurkin, as the basis for measuring the spiritual Altai]. Gorno-Altaysk, 1977.

- Belekov I. I. *Janarlu moshtor*. [Singing Cedars]. Gorno-Altaysk, 1982.
- Kogda tsvetet maral'nik*. [When the maralnik blooms]. Gorno-Altaysk, 1985.
- Adarov A.O. *Jyregimniŋ ynin tinda*. [Listen to the voice of my heart]. In: *Altaydyŋ Cholmony*. [Star of Altai]. 1985. 8 november.
- Bedyurov B. *Kozhonda jyrek*. [Singing Heart]. In: *Altaydyŋ Cholmony*. [Star of Altai]. 1976. 23 january.
- Belekov D. «*Jarim dai ishteerge jarabas*». [Non potes operari per medietates]. In: *Altaidin Cholmoni* [Star of Altai]. 2003. 20 march.
- Chichinov V.I. *Lyubit lyudei — visokoe iskusstvo*/ [Loving people is a high art]. In: *Zvezda Altaya* [Star of Altai]. 1986. 29 march.
- Chukuev V. *Nesti energiyu dobra*. [Carry the energy of good]. In: *Zvezda Altaya* [Star of Altai]. 2003. 22 march.
- Erokhin V. *Molodost' Gornogo Altaya*. [Youth of the Altai Mountains]. In: *Literaturnaya Rossiya* [Literary Russia]. 1986. 3 january.
- Katash S.S. *Chelovek, boleyuschii bolyami drugih*. [Homo qui patitur ab doloribus aliis]. *Zvezda Altaya* [Star of Altai]. 1997. 10 dec.
- Kokyshev L.V. *Jiit ynder* [Young voices]. *Kadyŋ* [Katun]. 1973. No. 2.
- Prapara A. *Predstavlyaem molodykh* [Introducing the young]. In: *Literaturnaya Rossiya* [Literary Russia]. 1985. 13 sept.
- Shinzhin T.B. *Ak symerler aldynda*. [Under the white tops]. In: *Altaydyŋ Cholmony* [Star of Altai]. 1974. 2 july.
- Ukachin B.U. *Predstavlyaem molodykh*. [Introducing the young]. In: *Literaturnaya Rossiya*. [Literary Russia]. 1983. 1 july.